

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ

ФИЛОСОФИЯ
ПРАВА РУССКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

2012 - 5
2932

Библиотека
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

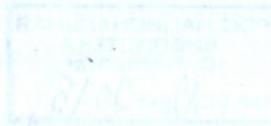
Справочная

Библиотека парламентского информационного центра

Анджей ВАЛИЦКИЙ

ФИЛОСОФИЯ
ПРАВА
РУССКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА

МЫСЛЬ

Москва

2012

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

3648376

УДК 340.12(470+571)"18"+32.001(470+571)(091)

ББК 67.1(2)5+66.1(2)52-18

B15

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского:

О. Р. Пазухина (введение, гл. 1, 3), С. Л. Чижков (гл. 2, 5),
О. В. Овчинникова (гл. 4), Н. А. Чистякова (гл. 6, 7)

Научный редактор: С. Л. Чижков

Валицкий А.

В15 **Философия права русского либерализма** / Анджей Валицкий ;
пер. с англ. О. В. Овчинниковой, О. Р. Пазухиной, С. Л. Чижковой,
Н. А. Чистяковой под науч. ред. С. Л. Чижкова. — Москва:
Мысль, 2012. 567 с.

ISBN 978-5-244-01160-9

Книга проф. А. Валицкого во многом уникальна и, несмотря на время, прошедшее после выхода ее первого издания, ни в России, ни за рубежом так и не появилось что-либо близкое по объему и глубине анализа правовых идей русских либералов XIX — начала XX в. В книге рассматриваются правовые и политические идеи шести ключевых фигур русской либеральной мысли: Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева, Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и С. И. Гессена. Все эти мыслители представляют антипозитивистский лагерь русской правовой мысли, поэтому критике ими правового позитивизма автор уделяет большое внимание. Кроме того, автор анализирует процесс трансформации классического либерализма в либерализм социальный. Книга интересна также тем, что в ней содержится весьма подробный анализ идей русского теоретического антилегализма, его общеевропейских и специфически российских корней.

УДК 340.12(470+571)"18"+32.001(470+571)(091)

ББК 67.1(2)5+66.1(2)52-18

ISBN 0-19-824930-6 (англ.)

ISBN 978-5-244-01160-9 (русск.)

© О. В. Овчинникова, перевод, 2012

© О. Р. Пазухина, перевод, 2012

© С. Л. Чижков, перевод, 2012

© Н. А. Чистякова, перевод, 2012

© Andrzej Walicki, 1987

© Мысль, 2012

Содержание

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ	8
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	17
ГЛАВА I. ТРАДИЦИЯ КРИТИКИ ПРАВА	25
1. Вводные замечания: “русская душа” и “дух закона”	25
2. “Юридическое мировоззрение”, его возникновение и крах в России	36
3. Критика права правыми	54
4. Критика права левыми	73
5. Федор Достоевский и Лев Толстой	97
6. Проблема права в русском марксизме: Плеханов и Ленин	109
ГЛАВА II. БОРИС ЧИЧЕРИН: “СТАРОЛИБЕРАЛЬНАЯ” ФИЛОСОФИЯ ПРАВА	135
1. Вводные замечания	135
2. Биографическая справка	140
3. Российская история и будущее России	149
4. Право и свобода	164
5. Право и цель	174
6. Право и нравственность	182
7. Место Чичерина в либеральной традиции	193
ГЛАВА III. ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ: РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ “НОВОГО ЛИБЕРАЛИЗМА”	205
1. Вводные замечания	205

2. Биографическая справка	207
3. Философия Всеединства.....	217
4. Либеральная философия права и теократический утопизм	223
5. Деутопизация мышления Соловьева и его новая философия права	234
6. Место Соловьева в русской либеральной традиции	253
ГЛАВА IV. ЛЕВ ПЕТРАЖИЦКИЙ: ТЕОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ	
ПРОТИВ ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА	261
1. Вводные замечания	261
2. Биографическая справка	265
3. Школы философии права и задачи юриспруденции в России	276
4. Психологическая теория права и ее социологические основания	286
5. Право и нравственность.....	311
6. Социальный идеал и политика права	320
7. Восприятие идей Петражицкого	337
ГЛАВА V. ПАВЕЛ НОВГОРОДЦЕВ: НЕОИДЕАЛИЗМ	
И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА.....	355
1. Вводные замечания и биографическая справка	355
2. Идеализм и естественное право	365
3. Право и государство.....	379
4. Кризис юридического мировоззрения	386
5. Право, социализм и религия.....	399
ГЛАВА VI. БОГДАН КИСТЬКОВСКИЙ И ДИСКУССИЯ	
ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	415
1. Вводные замечания и биографическая справка	415

2. Научный идеализм	422
3. К общей теории права.....	430
4. Теория правового государства.....	440
5. Российская интелигенция и дух законов	453
6. Дух права и партия кадетов	469
ГЛАВА VII. СЕРГЕЙ ГЕССЕН: ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ СИНТЕЗ.....	487
1. Вводные замечания	487
2. Биографическая справка	490
3. Философия ценностей и диалектический метод	497
4. “Правовой социализм” против марксизма.....	508
5. Развитие правового государства...	526
6. Общая философия права	540
7. Вместо заключения.....	554
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	558

вольных обобщений об извечной вражде “русской души” и “духа закона”.

6. Проблема права в русском марксизме: Плеханов и Ленин

Перейдем теперь к марксизму в России, т.е. к наиболее значительной главе в истории дореволюционной русской мысли. В этой книге нет необходимости обсуждать все нюансы данного вопроса и все течения русского марксизма. Для того чтобы осветить проблему права в марксистской мысли России досоветского периода, достаточно ограничиться рассмотрением двух великих фигур – Георгия Плеханова, “отца русского марксизма”, и Владимира Ленина, создателя Советского государства.

Богдан Кистяковский считал, что ранний русский марксизм служил теоретическим обоснованием “новой волны западничества”, и ставил марксизму в заслугу то, что он начал “прояснять правовое сознание русской интеллигенции”¹. Мысль Кистяковского заключалась в том, что Россия должна повторить путь стран Запада и пройти через капиталистическую фазу развития; это было основной идеей марксизма Плеханова, резко отличавшей его от народнической традиции и отводившей ему место на правом фланге русского революционного движения. Для Плеханова “прохождение через капиталистическую фазу” включало в себя не только максимальное капиталистическое развитие производительных сил, но и развитие соответствующей “надстройки” в форме конституционного и парламентского государства. Поэтому отход от народничества к марксизму означал для него выбор “длинного и трудного пути капиталистического развития”². Будущая социалистическая революция, рассуждал он, должна быть отделена от политической революции (т.е. от свержения царского абсолютизма) некоторым периодом времени, достаточно длительным для того, чтобы капитализм в стране достиг наиболее полного развития, а российский пролетариат получил образование в школе политической свободы путем легальной деятельности в правовом парламентском государстве. Возможно, этот период будет более коротким, чем на Западе,

¹ См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Репринтное издание. М., 1990. С. 113.

² Плеханов Г. В. Соч. 2-е изд. М.–Пг., 1923–1927. Т. 2. С. 325.

потому что в России (благодаря влиянию Запада) социалистическое движение было организовано очень рано, когда русский капитализм находился еще на начальной стадии. Однако, с другой стороны, не следует его искусственно сокращать; он должен следовать естественной схеме развития, как это было в истории передовых стран Запада. В этом смысле русский марксизм был действительно новой волной русского западничества. Это ясно следует из слов Плеханова о том, что великой миссией российского рабочего класса было завершение вестернизации России, завершение дела Петра Великого¹.

В течение длительного времени взгляды Плеханова на необходимое и желательное развитие России признавались “ортодоксальной” интерпретацией марксистской теории применительно к российским условиям. Дальнейшее развитие русского марксизма состояло в возникновении различных отклонений от пле-хановской “ортодоксальности”. Самым смелым отходом от нее была концепция перманентной революции Троцкого – концепция, которая полностью отрицала необходимость и даже возможность отделения буржуазной революции от социалистической. Первоначально Ленин не принимал ее – среди прочих причин и потому, что понимал требования русского крестьянства и поэтому особо отмечал “буржуазный” характер русской революции 1905–1906 гг. Но нельзя отрицать и того, что в 1917 г. он действовал в соответствии со сценарием Троцкого.

Исходя из своего толкования марксизма, Плеханов сделал вывод о том, что русские социалисты должны поддерживать русских либералов в их борьбе за “буржуазную свободу”. Защищая эту точку зрения, он часто ссылался на “Манифест Коммунистической партии”. Он особенно любил цитировать оттуда саркастические замечания в адрес немецких “истинных социалистов”, которые отказывались поддерживать немецких либералов в их борьбе за политическую свободу². Он адресовал эти замечания народнической “apolитичности”, а позже – непримиримому антилиберализму Ленина. Вот эта цитата:

“Этот немецкий социализм, считавший свои беспомощные ученические упражнения столь серьезными и важными и так

¹ Там же. Т. 3. С. 78.

² Там же. Т. 13. С. 169–170 (“О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом”).

крикливо их рекламировавший, потерял мало-помалу свою педантическую невинность.

Борьба немецкой, особенно прусской, буржуазии против феодалов и абсолютной монархии — одним словом, либеральное движение — становилась все серьезнее.

“Истинному” социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, предавать традиционной анафеме либерализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуазную свободу и равенство и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять. Немецкий социализм весьма кстати забывал, что французская критика, жалким отголоском которой он был, предполагала современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями жизни и соответственной политической конституцией, т.е. как раз все те предпосылки, о завоевании которых в Германии только еще шла речь.

Немецким абсолютным правительствам, с их свитой попов, школьных наставников, заскорузлых юнкеров и бюрократов, он служил кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии.

Он был подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания немецких рабочих”¹.

Плеханов не собирался (или, может, не осмеливался) обвинять большевиков в том, что они выражают реакционные интересы. Но, как и Ленин, он сделал это в отношении народников, которых считал выразителями (“объективно”) реакционных взглядов консервативных мелких производителей — мелкой буржуазии и крестьянства. С этой точки зрения сходство “истинных социалистов” Германии с социалистами-народниками в России было полное, ибо, цитируя Маркса и Энгельса, “истинный” социализм “непосредственно служил выражением реакционных интересов”, интересов немецкого мещанства².

Более того. В условиях России, думал Плеханов, крестьянство с общинной собственностью на землю было опорой азиатского

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 4. С. 452.

² Там же. С. 453.

деспотизма, классом, цели которого были более реакционными, чем устремления мелких производителей Запада. По его мнению, революция 1905 г. являлась совместной работой двух совершенно различных сил: “азиатской России” крестьянства и “европейской России” промышленного пролетариата. Первая была консервативна по существу – даже в своих насильтственных революционных действиях, тогда как вторая была революционной до мозга костей, даже воздерживаясь от революционного насилия¹. Благодаря специфической диалектике исторического развития контрреволюционное дворянство, которому удалось восстановить свою политическую власть, обрубило свои собственные корни, приняв законы, направленные против крестьянской общины, и подорвало таким образом само основание “старого порядка” в России. Дворянство хотело покончить со старой аграрной традицией, дававшей крестьянам готовое оправдание экспроприации крупных помещиков. Однако в действительности разрушение общинной собственности на землю нанесет окончательный удар по восточному деспотизму в России. “Это вряд ли будет согласно с интересами дворянства, – заключает Плеханов, – но наверно будет вполне согласно с интересами пролетариата, поступательное движение которого задерживалось и задерживается политической инертностью старого крестьянства. Как бы там ни было, этот шаг дворянской контрреволюции есть шаг в сторону европеизации наших общественно-экономических отношений, хотя, разумеется, оплаченный народом несравненно дороже, чем пришлось бы заплатить за него при других политических условиях”².

То есть, как это ни парадоксально, но “отец русского марксизма” сумел рассмотреть прогрессивную сторону аграрной реформы Столыпина гораздо лучше, чем ведущие русские либералы, лидеры кадетской партии, которые считали Столыпина лишь палачом революции и считали, что по соображениям политической целесообразности необходимо огульно порицать все, что он делал³.

Отношение Плеханова к стольпинской реформе прекрасно гармонировало с его критикой идей Ленина о национализации земли⁴. Вместо этого он предлагал муниципализацию земли или,

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 112–115.

² Там же. С. 126–127.

³ См. ниже, гл. 2, часть 3 и гл. 6, часть 6.

⁴ См.: Baron S. H. Plekhanov, the Father of Russian Marxism. L., 1963. P. 305.

если это окажется трудноосуществимым на практике, раздел земли между крестьянами. В условиях России, доказывал он, национализация земли укрепила бы как “азиатское” сознание масс, считающих себя рабами государства, так и деспотическую психологию правителей, считающих себя собственниками страны. В статье 1906 г. он выразил свою позицию следующим образом:

“Раздел имел бы бесспорно много неудобств, с нашей точки зрения. Но сравнительно с национализацией у него было бы то огромное преимущество, что он нанес бы окончательный удар тому нашему старому порядку, при котором и земля, и землевладелец составляли собственность государства и который представляет собой не что иное, как московское издание экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий. А национализация земли являлась бы попыткой реставрировать у нас этот порядок, получивший несколько серьезных ударов уже в XVIII веке и довольно сильно расшатанный ходом экономического развития в течение второй половины XIX столетия”¹.

Как видим, Плеханов действительно поддерживал идею западничества. Он полностью отказался от народнического порицания “буржуазной свободы” и призывал русских социалистов объединиться с русскими либералами в борьбе за конституционный строй и парламентское правительство. Его отношение к столыпинской реформе обнаруживает также его понимание, совершенно не свойственное русским интеллектуалам того времени, политической прогрессивности последовательно “буржуазных” изменений в сфере гражданского права, его способность избежать общей ошибки сведения всех политических вопросов к одному: в чьих руках политическая власть?

И все же было бы большим заблуждением заключить из этого, что западничество Плеханова означало действительное понимание внутренней ценности права или подлинной приверженности власти закона. На самом деле его западничество было составной частью его марксизма, поскольку он понимал марксизм как теорию исторического развития, где капитализм западного типа являлся необходимой предпосылкой социализма.

Но понимание им необходимости и прогрессивности капиталистического развития не означало признания “юридического мировоззрения” буржуазии. Напротив, марксизм, как его понимал Плеханов, являлся наиболее выраженной реакцией девят-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 15. С. 31.

надцатого века на “абстрактный рационализм” Просвещения с его верой в естественные права и разумное законодательство. Он был научной формой диалектического историзма, одинаково безжалостного и в разоблачении классового содержания буржуазных иллюзий и в доказательстве неисторичного и ненаучного характера социалистических утопий. В таком своем качестве марксизм не мог по-настоящему реабилитировать самостоятельную ценность права. Он не мог также дать теоретическое обоснование верховенства закона, которое не могло бы быть сведено к классовому господству буржуазии.

Как и другие теоретики-марксисты II Интернационала, Плеханов был весьма склонен толковать марксизм в духе позитивистского эволюционизма того времени¹. Большое влияние на него оказал и Гегель, у которого он взял идею “разумной необходимости”, управляющей развитием истории². Такое же смешение натуралистического эволюционизма и гегельянства можно найти у Энгельса, который, как следует помнить, считался в то время “более значительным философом, чем Маркс”³. Поэтому неудивительно, что правовые воззрения были заимствованы Плехановым у Энгельса, для которого право по сути своей было инструментом классового господства. Можно сказать, что, подобно Энгельсу, он утверждал господствующую теорию правового позитивизма или, более точно, командную теорию права, отличаясь от ее немарксистских представителей тем, что подчеркивал классовое содержание законодательства и судопроизводства. Очевидно, что с таких позиций он не мог выступать против положения Кропоткина о том, что право – “это не что иное, как средство поддержания эксплуатации трудящихся масс богатыми бездельниками”. И действительно, Плеханов не стал критиковать этот взгляд на право в своей известной брошюре об анархизме. Вместо этого он критикует анархистов как “дека-

¹ Изложение философии Плеханова см. в: *Walicki. History of Russian Thought*. P. 413–427.

² Поэтому “примирение с действительностью” Белинского произвело на него большое впечатление. В его понимании период примирения был наиболее плодотворным в интеллектуальном развитии Белинского. В своем отрицании абстрактного идеала Белинский был предшественником русских марксистов, чье отрицание народнического идеала непосредственного перехода к социализму также было своего рода “примирением с действительностью”. См.: *Ibid.* P. 417–420.

³ См.: *A Dictionary of Marxist Thought* / T. Bottomore (ed.). Oxford, 1983. P. 151 (“Engels”).

дентов утопизма”¹, определяя утописта как человека, который, “задумает совершенную социальную организацию, исходя при этом из какого-нибудь абстрактного принципа”², и утверждает, что международная социал-демократия, в отличие от утопизма, опирается не на какой-то абстрактный принцип, “а на ‘устанавливаемую строго естественнонаучным путем’ экономическую необходимость”³. Он обвинял анархистов и во многом другом, например в склонности к насилию, чрезмерном индивидуализме и даже аморализме⁴, но уделял мало внимания их взглядам на право. Казалось, он не видел различия между Бакуниным и Кропоткиным, отрицавшими любые законы, и Прудоном, считавшим закон “выражением суверенитета народа” и верившим, что “договор разрешает все проблемы”⁵. Характерно, что много места он отвел для критики положительной оценки права Прудоном, умолчав о правовом нигилизме Бакунина и Кропоткина. Его общее определение анархизма объясняет этот акцент: положительный подход к праву у Прудона был для Плеханова ясным доказательством утопического характера анархистской мысли, ее утопической веры в совершенное законодательство⁶, тогда как взгляд на право как инструмент классового господства, которого придерживались русские анархисты, был, по его мнению, реалистическим, марксистским элементом в анархистской теории.

С такими взглядами на право было логично считать, что государственная власть выше закона, что это – диктатура. “В политике, – утверждал Плеханов, – кто имеет власть, тот и диктатор”⁷. Он добавлял, конечно, что все формы государственной власти следует объяснять в понятиях диктатуры определенного класса, понимая эту диктатуру как “господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для подавления всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих этим интересам”⁸.

¹ Плеханов Г. В. Анархизм и социализм // Плеханов Г. В. Соч. Т. 4. С. 221, 236.

² Там же. С. 172 (выделено мной. – А. В.).

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 191, 207, 220, 244 (“Анархизм и социализм”) и с. 249–257 (“Сила и насилие”).

⁵ Плеханов Г. В. Анархизм и социализм // Плеханов Г. В. Соч. Т. 4. С. 202–207.

⁶ Там же. Т. 4. С. 206.

⁷ См.: Ленинский сборник. Т. 2. М.–Л., 1924. С. 60, 95.

⁸ Плеханов Г. В. Соч. Т. 11. С. 319.

Он подчеркивал, что буржуазная революция была бы невозможна без установления диктатуры буржуазии и что социальное освобождение рабочих также невозможно без диктатуры пролетариата¹. Таким образом, он полностью разделял взгляды Энгельса и Ленина, что право – это всего лишь инструмент политической власти и что все формы политической власти являются по своему характеру классовыми и диктаторскими. Отличия его от Ленина лежат в другой области. Первым была его вера в необходимость четкого временного разграничения буржуазной и социалистической революций в России (как и во всех других отсталых странах.) Вторым было его убеждение, что лучшей формой диктатуры пролетариата является демократическая республика. В этом отношении он был прямо согласен с Энгельсом². То, как бы он отнесся к коммунистической диктатуре в СССР (если бы дожил до нее), можно легко предположить, исходя из его общей оценки результатов преждевременного захвата власти социалистической партией. Он изложил свою точку зрения уже в своей первой марксистской работе “Социализм и политическая борьба” (1883), подчеркивая, что захват власти революционерами-социалистами в отсталой стране приведет к исторической катастрофе. Подлинный социализм, утверждал он, может быть установлен только тогда, когда экономическое развитие и сознание пролетариата достигнут достаточно высокого уровня. Политическая власть, пытаясь сверху организовать социалистическое производство неразвитой страны, будет вынуждена “искать спасения в идеалах ‘патриархального и авторитарного коммунизма’, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо первоуречанских ‘сынов солнца’ и их чиновников национальным производством будет заведывать социалистическая каста”. “Несомненно, – добавлял Плеханов, – что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства”³.

Следует отметить, что Плеханов никогда не отказывался от этих взглядов. Он не преувеличивал, когда четверть века спустя

¹ Там же. Т. 12. С. 226–227.

² Там же. С. 239.

³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1977. С. 99 (“Социализм и политическая борьба”).

писал, что его точка зрения не изменилась по существу и что в спорах между большевиками и меньшевиками он твердо отстаивал свои идеи начала 1880-х годов¹. Его любимая идея о разумной исторической необходимости была направлена против двух противоположных тенденций в движении российского рабочего класса: “экономистской” тенденции (которую он считал одной из разновидностей старого “apolитичного” народничества) и “бланкистской” (или “якобинской”) тенденции, которая преувеличивала роль “субъективного фактора” в истории и имела опасную склонность к революционному волюнтаризму. Конечно, большевиков он считал наследниками последнего.

В целом критика Плехановым “экономизма” (и других форм опоры на стихийное движение масс) и “бланкизма” может показаться достаточно обоснованной и убедительной. Но нельзя не увидеть опасность, таящуюся в его собственной позиции. Он считал, что его толкование марксизма давало единственно верное знание необходимых законов истории и что обладатели этого знания имели право, и даже обязаны были, игнорировать мнения невежественного большинства; что они должны изменять реальность в соответствии со своей “научной теорией” о том, что должно быть сделано, пренебрегая всеми моральными нормами и другими “буржуазными предрассудками”, поскольку их действия узакониваются правильным пониманием истории, а не законным волеизъявлением народа. Этот аспект теории Плеханова с предельной ясностью проявился в разговоре старика Энгельса и русского писателя, социал-демократа А. М. Водена в изложении последнего. Цитирую записки Водена: “Энгельс спросил о личном мнении Плеханова по поводу диктатуры пролетариата. Я был вынужден признаться, что Плеханов часто говорил мне, что когда ‘мы’ будем у власти, ‘мы’, естественно, дадим свободу лишь ‘себе’ и никому более... Но, чтобы дать русским социал-демократам какое-то основание для борьбы за власть, по его (Плеханова) мнению, было бы крайне желательно, чтобы русские социал-демократы воспользовались опытом своих немецких товарищ. В ответ на мой вопрос о том, кого логично считать монополистами свободы, Плеханов ответил: рабочий класс под руководством товарищей, которые верно поняли учение Маркса и сделали из него правильные выводы. Когда я спросил о существовании объективного критерия верного пони-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С. 283.

мания учения Маркса и правильных выводов из него, Плеханов ограничился замечанием, что все это ‘достаточно ясно’ изложено в его (Плеханова) работах”¹.

Нельзя гарантировать точность этой информации, но нельзя и отрицать того, что она прекрасно соответствует специфическим свойствам сознания Плеханова — высокомерной самоуверенности обладателя “единственно верного знания” объективных законов истории.

Узаконивание собственной политической позиции ссылкой на мандат, полученный благодаря безошибочному пониманию исторической необходимости, не могло сочетаться с истинной приверженностью верховенству закона или народному суверенитету. Это ясно следует из известной “якобинской речи” Плеханова на Втором съезде российских социал-демократов (август 1903).

“Каждый данный демократический принцип, — говорил он, — должен быть рассмотрен не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права... Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *salus revolutia suprema lex*. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *chambre introuvable*, — то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными,

¹ Gespräche über Russland mit Friedrich Engels. Nach Aufzeichnungen von Alexei M. Woden // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz / Rubel M. (ed.). Berlin, April 1971. P. 22–23.

*то нам нужно было бы стафаться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели*¹.

Неудивительно, что Ленин считал уместным вспомнить эти слова в январе 1918 г. в связи с выступлениями Плеханова против большевистского террора. Накануне распуска свободно избранного Учредительного собрания он полностью воспроизвел цитированный отрывок, заметив, что это — “страница, как бы написанная специально для нынешнего дня”².

Последняя статья Плеханова была попыткой снять с себя ответственность за идеологическое обоснование большевистского террора и распуск Учредительного собрания. Но его аргументы не имели ничего общего с защитой права и политической демократии как принципа. Напротив, он основывал свои рассуждения на своей любимой концепции исторической необходимости, утверждая всего лишь, что в российских условиях Учредительное собрание было прогрессивно и еще не пришло время заменить его диктатурой пролетариата. Он не отрицал, что собрание выступало за “буржуазную” демократию, и не забывал также, что для марксистов буржуазная демократия означала капитализм, то есть новую форму порабощения трудящихся, но в противовес этому он подчеркнул, что даже античное рабство было исторически оправданно, поскольку, как сказал Энгельс, “без античного рабства не было бы и современного социализма”³. Отрицание исторической необходимости во имя “абстрактного идеала” было характерно прежде всего для русского народничества в противоположность марксизму, и он заключил поэтому, что большевиков следует считать не его (Плеханова) детьми, но, скорее, сводными братьями Виктора Чернова, председателя распущенного собрания⁴.

Правда, Плеханов понимал, что российские рабочие, возможно, не будут сочувствовать Учредительному собранию только лишь по причине его якобы исторической необходимости. Поэтому он добавил, что члены собрания твердо выступали “за интересы трудового народа России”⁵. Но в своей защите буржу-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 418–419.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 184.

³ Плеханов Г. В. Год на родине. Т. 2. Париж, 1921. С. 260 (Цитату Энгельса см. в: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 20. С. 186.).

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Там же. С. 265–266.

азной демократии он прежде всего настаивал на том, что она является необходимой стадией прогресса, что она хороша с точки зрения идеальной нормы разумного развития истории, но не на том, что она выражает классовые интересы рабочих.

Действительно, трагедия Плеханова была трагедией русского западника, который желал своей стране “нормального”, “европейского” развития с разумным чередованием стадий и в полном соответствии с “внутренним” экономическим и культурным ростом. С одной стороны, его марксизм предполагал необходимость развития классового антагонизма пролетариата и буржуазии; с другой, он провозглашал потребность воспитания российских рабочих в духе “научного социализма”, подготовки их к тому, чтобы принять — на одно-два поколения — господство их классового врага. Психологическая невозможность одинаковой приверженности каждой из этих двух целей должна была быть очевидна, но, что удивительно, Плеханов полностью осознал это только в последние дни жизни, когда его стал мучить вопрос: “Не рано ли мы начали пропаганду марксизма в отсталой полуазиатской России?”¹ Он умер с горьким пониманием того, что деятельность, которой он посвятил всю жизнь, дала результаты, отличные от того, к чему он стремился; другими словами, что его обманул его идол, История.

Различие Плеханова и Ленина было значительным с самого начала, хотя некоторое время ни один из них не понимал ясно его причины. Кратко говоря, это было различие марксизма, понимаемого как технологический детерминизм, считающий историю объективным процессом, независимым от человеческой воли, определяемым развитием производительных сил (в случае Плеханова), и марксизма, понимаемого как теория классовой борьбы, считающая историю полем битвы и объясняющая ее в терминах военных действий, уделяющая главное внимание характеру и силе основных классовых антагонизмов, энергии и боевитости организованного авангарда пролетариата, а также характеру и силе других классовых сил (в случае Ленина). Понятно, что второе понимание подразумевало большее внимание к “субъективному фактору” и меньшее доверие к “объективным”, безличностным историческим процессам. Уже в своих ранних работах о народничестве Ленин отверг не только народнический “субъективизм”, но также и “объективизм”, который в то

¹ Цит. по: Baron. Plekhanov. P. 358.

время считался существенной частью исторического материализма. “Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, — утверждал он, — всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов”, в то время как материалист “вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения”¹. Объективизм дает картину процесса в целом, представляя его как “объективный ход событий”, тогда как материализм обязывает своих поборников прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы. Эти остро критические замечания были направлены против Петра Струве и других “легальных марксистов”, но они могли быть отнесены также и к плехановской форме “объективизма”.

Столь же важным было и различие между Плехановым и Лениным в их полемике о капитализме. Плеханов считал капитализм будущим России, тогда как Ленин рассматривал его как ее настоящее, которое не просто сделало в России свои первые шаги но “определенко и окончательно сложилось”². Плеханов утверждал, что капитализм в России уже необратимо вступил в первоначальную стадию, но подчеркивал при этом необходимость дальнейшего капиталистического развития, определяя высшую степень развития капитализма в понятиях производительности труда и считая ее необходимо связанной с “собственно капиталистической надстройкой”, то есть с конституционной и республиканской формой государственного устройства. Ленин тоже соглашался с Энгельсом в том, что демократическая республика является “наилучшей... формой государства при капитализме”³, но не заключал из этого, что развитый капитализм невозможен при самодержавии; также он не определял уровень развития капитализма с точки зрения развития производительных сил. Основное значение он придавал вопросу о господствующих производственных *отношениях* и характере основного классового противоречия. Под полным и окончательным утверждением капитализма он подразумевал утверждение товарного производства, основанного на эксплуатации наемного труда, и это позволило ему назвать Россию отсталой, но все же капиталистической страной. Другими словами, он определял капитализм в понятиях классовой борьбы, а поэтому его развитие зависело от интенсив-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 401.

² Там же. С. 495. См. также: Vladimir Akimov on the Dilemmas of Russian Marxism, 1895–1903 / J. Frankel (ed.). Cambridge, 1969.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 20.

ности этой борьбы, от воли и сознательности рабочего класса, от умелого руководства его авангарда. Поэтому для Ленина прохождение через капиталистическую стадию не означало обязательно прохождения через высшую возможную ступень развития капиталистического производства¹.

Анализ различных этапов развития ленинской мысли находится, понятно, за рамками данной книги. Вместо этого стоит остановиться на сравнительном рассмотрении взглядов Ленина и Плеханова на право и государство. Хорошее начало такому рассмотрению дает ленинское определение диктатуры пролетариата: “Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, *не связанная никакими законами*”².

Чтобы понять все, что подразумевается данным определением, необходимо рассмотреть его в более широком контексте. Как и Плеханов, Ленин считал право всего лишь инструментом государства, а именно инструментом классового господства. В известной брошюре “Государство и революция”, написанной накануне захвата власти большевиками, он развел последовательную теорию государства – теорию, в которой, как утверждалось, не было ничего нового по сравнению со взглядами на государство Маркса и Энгельса, но в действительности эта теория была достаточно оригинальна, и можно считать ее исключительно ленинской. Ее относительная новизна заключалась в полном пренебрежении законом, в тенденции свести государственную власть к ее репрессивной функции и подчеркнуть, что эта функция, как правило, осуществляется прямо, без посредничества закона.

“По Марксу, – утверждает Ленин, – государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса”. Его сила, как говорил Энгельс, состоит главным образом “в особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее”; другими словами, “постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти”³. Если это так, то каждое государство основы-

¹ Более полное обсуждение ранних работ Ленина в свете полемики народников и марксистов см. в: *Walicki. Controversy Over Capitalism*. P. 176–179 и в кн. *Idem. History of Russian Thought*. P. 440–448.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 245.

³ Там же. С. 242–243.

вается в конечном счете на голой силе. Не случайно, что право даже не упоминается в этом контексте. Главная мысль ленинской теории государства была направлена против понимания права как важного и необходимого элемента государства или по крайней мере современной государственности. В отличие от Плеханова, он не был согласен с утверждением, что государственная власть стоит выше закона и что каждый закон *на самом деле* является приказом власти имущих, но добавлял, что обладатели политической власти могут с легкостью обойтись без закона, что не существует внутренней необходимости придавать законную форму своим приказам. Государство, как организованная сила данного класса, было для него по сути своей не законной структурой, а скорее феноменом, похожим на армию. То же было справедливо и по отношению к революционной партии; да это и не могло было быть иначе, ибо он считал классовую борьбу своего рода военными действиями и глубоко восхищался военными формами организации. Он обвинял западных социалистов в том, что они “развращены и отуплены буржуазной легальностью”, противопоставляя социал-демократическим организациям взлеянную им мечту об “*других организациях*”, сознательно построенных по образцу армии¹. Цитирую: “Возьмем современное войско. Вот — один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она — *гибка*, умея вместе с тем миллионам людей давать *единую волю*... Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы”².

С точки зрения такого идеала законные формы, конечно же, были недостаточно гибкими, не способными направлять коллективную волю, создавали ненужные препятствия для ее прямого выражения и затемняли общую цель. Из этого следовало, что подлинно революционная классовая борьба требовала организации, основанной на принципе директивного командования, воодушевленной единой волей и использующей все возможные средства для достижения своей цели, то есть для “окончательно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 258.

² Там же. С. 258—259.

го разгрома, уничтожения, истребления врага”¹. Это и было идеалом, который Ленин пытался воплотить в своей партии, а позднее – в революционном Советском государстве.

Как и следует ожидать, Ленин восхищался тем, как Маркс и Энгельс критиковали “буржуазную свободу”, и, насколько это было возможно, довел эту критику до крайности. Он подчеркивал, что в условиях капитализма всеобщее избирательное право не способно выявить волю большинства трудящихся и поэтому заслуживало названия орудия господства буржуазии². Он любил ссылаться на фразу Маркса о сути буржуазной демократии, сводящейся к тому, “чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте”, выхватывая ее из контекста и, по сути дела, фальсифицируя Маркса, приписывая ему гораздо более выразительные слова: “Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавлять народ в парламенте, – вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках”³. Это определение равносильно занятию важной позиции в вопросе о парламентаризме, а именно признанию того, что парламентская форма современного государства неотделима от ее буржуазного содержания и что парламентские институты являются по своей сути лишь формой буржуазной диктатуры⁴. Для обоснования этого утверждения Ленин ссылается на положение Энгельса о том, что каждое государство – это “особая сила” угнетения, и на критику Марксом понятия “свободного государства”, данную в “Критике Готской программы”, однако логика собственных рассуждений обманула его. Во-первых, положение о том, что каждое государство есть аппарат угнетения, не тождественно тому, что каждое государство – это инструмент класса-собственника; само понятие диктатуры пролетариата противоречило такому выводу. Во-

¹ См.: Besançon, Alain. The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981. P. 221.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 251.

³ Там же. С. 46 (выделено мной). Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. Т. 2. С. 221.

⁴ В этой связи Бэрри Хайнднесс пишет о “сущностном анализе Ленинским демократических форм” и о “ленинском сущностном отрицании парламентских институтов”. См.: Hindness B. Marxism and Democracy / Alan Hunt (ed.). L., 1980. P. 34–35.

вторых, Марксова критика идеи “свободного государства” была основана не на предположении, что само существование государства исключает свободу, а на том положении, что “свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный”, и что “большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают “свободу государства”¹. Следовательно, Маркс хотел сказать, что “свобода государства” на самом деле означает абсолютную власть государства и что такая свобода должна быть ограничена ради свободы общества. Он показал, что с этой точки зрения демократическая республика гораздо более предпочтительна, чем монархия. Он критиковал германскую рабочую партию за иллюзию того, что ее демократическая программа может быть осуществлена в пределах “современного национального государства”, стало быть, в пределах “прусско-германской империи”, но не подразумевал при этом, что даже в демократической республике парламентские институты могут служить лишь интересам буржуазии².

Правда, отношение Ленина к “буржуазной политической свободе” не было полностью отрицательным. Он помнил, что для раннего русского марксизма было характерно признание относительной ценности политической свободы, и это коренным образом отличало марксизм от традиции народников; он осознавал также, что нигилизм в отношении к политической свободе нес в себе опасность сближения с позицией реакционной черной сотни. Поэтому в целом его взгляды на политическую свободу не были строго последовательными. Много верных оценок его противоречивых взглядов по этому вопросу можно найти в книге Марселя Либмана, весьма сочувствующего ленинизму автора. Либман приходит к следующим выводам:

“Ленин без труда разоблачал формализм политических свобод, их сосредоточение *de facto* в руках буржуазии. Но язвительная точность его критики не изменяет факта противоречивости его анализа. С одной стороны, Ленин утверждал, что ‘самая демократическая буржуазная республика есть машина для угнетения пролетариата буржуазией, для угнетения трудящихся горсткой капиталистов’, что ‘свобода в буржуазной демократической республике была на деле свободой для богатых... Фактически поль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 26.

² Там же. С. 26–27.

зоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли'. И он заключил в работе 'Пролетарская революция и ренегат Каутский', что буржуазная демократия является 'демократией для богатых, обманом для бедных', 'раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных'. В то же время Ленин считал, что 'следует использовать буржуазный парламентаризм', добавляя что 'мы никоим образом не должны произвести впечатление, что буржуазные парламентские институты не имеют для нас никакой ценности. Они представляют собой громадный прогресс по сравнению с тем, что им предшествовало'. Ленин так и не прояснил свою позицию по этому вопросу: как могло революционное рабочее движение надеяться использовать в своих целях режим, в котором свобода обеспечивалась 'только для богатых'?¹

Тем не менее противоречия в воззрениях Ленина не столь глубоки, как, кажется, думает Либман. В общих чертах Ленин не отвергал возможности использования "буржуазных парламентских институтов" (что отличало его от "леваков"), в то же время отрицая их *сущностную* ценность для рабочих (в чем резко отличался от Плеханова). "Отец русского марксизма" вначале заигрывал с идеей "прямого народного законодательства", но эта уступка общей демократии², как он сам позже объяснил, не имела для него особого значения. Его воззрения по этому вопросу изменились под влиянием работы Каутского "Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie" (1893)³, и впоследствии он защищал парламентскую демократию, считая ее лучшей политической школой рабочего класса, школой, в которой русские рабочие должны "европеизироваться" и научиться отличать силу от насилия (отличие, стертое анархистами), вести свою классовую борьбу цивилизованным образом, в пределах "таких юридических учреждений, которые составляют естественное правовое дополнение к капиталистическим отношениям производства"⁴. Поэтому можно сказать, что Плеханов, несмотря на некоторый цинизм его теории государства и права, придавал "буржуазной свободе" определенное значение в историческом

¹ Liebman M. Leninism under Lenin. L., 1975. P. 428.

² См.: Ленин В. И. Программа социал-демократической группы "Освобождение труда" и Г. В. Плеханов // Ленин В. И. Избранные философские произведения в 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 371–376.

³ Плеханов Г. В. Собр. соч. Т. 12. С. 215.

⁴ См.: Ленинский сборник. Т. 2. С. 18.

воспитании рабочего класса, тогда как Ленин считал ее лишь инструментальным образованием и делал упор на воспитательной роли всех форм капиталистической классовой борьбы, не останавливаясь специально на ее правовых формах и тем более не придавая им никакого особого позитивного смысла. Оба они игнорировали вопросы теории права (которую считали своего рода буржуазной сколастикой), но все же заметно отличались друг от друга в подходе к закону. Плеханов признавал культурную ценность мышления в терминах общих правил, установленных законом (хотя и подчеркивал, что формальность этих правил служит интересам буржуазии), тогда как Ленин мыслил только в сугубо утилитарных понятиях — в понятиях классовых целей, которые должны быть осуществлены, невзирая на средства, путем решительной и яростной борьбы. Марксизм Плеханова был частью общей историцистской реакции на “юридическое мировоззрение”, он считал это мировоззрение классическим примером утопической веры в “абстрактный идеал”, но тем не менее относился к нему серьезно, как к выражению искренних стремлений или честных иллюзий прогрессивной буржуазии и как к важной диалектической ступени развертывания Разума Истории. Для Ленина любая вера в универсальную законную справедливость была просто абсурдна. Он был глубоко убежден, что мыслящие люди не могут серьезно спорить с тем, что право по самой своей сути служит интересам сильнейшего; поэтому он был склонен рассматривать возвышенный образ права лишь как достойное презрения выражение трусивого буржуазного лицемерия. Это объясняет, почему он “всегда был несколько снисходителен к анархистам”¹, хоть и подвергая их жестокой критике, но, в отличие от Плеханова, относясь к ним серьезно, считая их убеждения смелыми и честными, лишенными трусивого духа буржуазного либерализма.

В 1917 г. Ленин и Плеханов оказались на противоположных сторонах баррикады. Плеханов, которого Ленин к тому времени называл “печально-знаменитым русским ренегатом марксизма”², видел трагедию революции в неспособности русских социалистов пойти на союз с либералами. Он критиковал меньшевиков, которых считал “полуленинцами” за непоследовательность их оценки революции и своей роли в ней: в соответствии со свои-

¹ См.: Liebman. Leninism under Lenin. P. 261–262.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 36.

ми теоретическими убеждениями они подчеркивали буржуазный характер революции, в то же время отказываясь от союза с либералами, не говоря уже о либеральном руководстве, как будто буржуазная революция возможна без буржуазных партий, как будто капитализм возможен без капиталистов¹. Он обвинял правительство Керенского в недостаточно энергичной борьбе с “волной анархии”², даже кадеты, по его мнению, были слишком снисходительны к левым радикалам, зараженным “циммервальд-кинталльским духом”, недостаточно решительно защищали отчество³. “Апрельские тезисы” Ленина были для него бредом сумасшедшего⁴. Его позиция была столь непреклонна и столь широко известна, что вскоре после захвата власти Лениным ему предложили пост министра в контрреволюционной коалиции. Он отклонил предложение, но этот жест выразил лишь его личную трагедию: “Я сорок лет посвятил пролетариату, и я не предам его, когда он избрал неверный путь”⁵. В глубине сердца он был убежден, что большевистская революция была исторической катастрофой.

Позицию Ленина в 1917 г., до захвата им власти, можно охарактеризовать как заигрывание с идеей непосредственной демократии, выраженной в Советах. Он подчеркивал, что социалистическая революция невозможна без некоторого возвращения к “примитивному демократизму”⁶, что ее окончательная цель совпадала с анархистским идеалом общества без государства и что его разногласия с анархистами касались только *средств* борьбы (“Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*”)⁷. Он сурово обличал “продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества”, противопоставляя ему свое представление о “демократии без парламентаризма”⁸, учреждения которой совмещали бы исполнительные и законо-

¹ Плеханов Г. В. Год на родине. Т. 1. С. 233.

² Там же. Т. 2. С. 198.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. Т. 1. С. 21.

⁵ Цит. по: Baron. Plekhanov. P. 259. Согласно Р. М. Плехановой, генерал Краснов просил Плеханова занять пост премьера. За несколько месяцев до этого, до большевистской революции, генерал Краснов хотел предоставить Плеханову министерский пост в кабинете, которым он намеревался заменить правительство Керенского (см.: Baron. Plekhanov. P. 351).

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Там же. С. 48.

дательные функции. Он считал ее диктатурой пролетариата и одновременно утверждал, что “это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать”¹, что функции этого государства могут быть сведены “к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям”², что в этом государстве все чиновники избираются и могут быть в любое время отозваны и в нем нет места “для специальных отрядов вооруженных людей”, поскольку вся власть сосредоточена в руках “вооруженного авангарда всех эксплуатируемых и трудящихся”³.

Было бы слишком просто отбросить эти декларации о намерениях, считая их лишь *mala fide* тактическими увертками. Но факт остается фактом: как только Ленин понял, что непосредственная демократия не работает, что рабочий контроль приносит хаос и неэффективность, он резко поменял курс. Он не только провозгласил необходимость террора против контрреволюционных элементов, но и насилия в промышленности, утверждая, что “решительно никакого принципиального противоречия между советским, то есть социалистическим), демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет”⁴. Он писал:

“Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть – непомерно мягкая... революция и именно в интересах ее развития и укрепления... требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса... Надо научиться соединять митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением – воле одного лица, советского руководителя, во время труда. Реставрация грозит нам сегодня в виде стихии мелкобуржуазной распущенности и анархизма... мелких, но зато многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию... должны победить, и мы ее победим”⁵.

Таким образом, бывший апологет прямой представительной демократии стал пламенным поборником “железной дис-

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. Т. 36. С. 199.

⁵ Там же. С. 196, 202.

циплины” и “применения диктаторской власти отдельных лиц”. Неудивительно, что он поддержал требование Троцкого о “милитаризации труда”¹. Тот факт, что это требование было почти единогласно отвергнуто, доказывает только то, что ленинская эволюция в этом направлении была слишком стремительна, чтобы стать с ходу приемлемой, и что некоторые элементы демократии еще не были уничтожены в большевистской партии.

Идея прямой народной демократии в осуществлении право- судия разделила ту же судьбу. За захватом власти Лениным последовал декрет от 7 декабря 1917 г., который отменил “все существующие судебные учреждения” и учредил народные суды с выборными судьями. Эти новые суды должны были действовать в соответствии с требованиями “революционного сознания”, или “классового сознания трудящихся”, что означало, среди всего прочего, учет классового происхождения преступника и классового характера преступления (“было ли оно совершено с целью реставрировать власть класса-угнетателя или нет”)². Однако очень скоро оказалось, что социалистический характер наскоро устроенных судов не мог быть гарантирован, что их приговоры весьма отличались от того, что ожидало от них партийное руководство. Очень часто народные суды были слишком снисходительны; в других случаях они были варварски жестоки, но в то же самое время весьма далеки от социалистической системы ценностей. (Так, например, в сельских местностях “смертный приговор выносился в случаях простого воровства и иногда приводился в исполнение на месте”³.) Поэтому их последующее развитие было легкопредсказуемо: “народные суды” уступили репрессивной централизованной системе судопроизводства; всецело политизированная система подчинилась приказам партийного руководства⁴. Однако была и общая платформа, объединявшая теоретиков этой системы и теоретиков децентрализованного “народного суда”: все они настойчиво отвергали неза-

¹ См.: *Deutscher I. The Prophet Armed.* L., 1954, а также: *Liebman. Leninism under Lenin.* P. 326.

² См.: *Liebman. Leninism under Lenin.* P. 326.

³ *Ibid.*

⁴ Е. Пашуканис, главный советский теоретик права того времени, заметил: “Революционная законность для нас на 99% политическая задача”. См.: *Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 49.*

висимость судопроизводства и подчеркивали, что классическое буржуазное понятие права, не говоря уже о верховенстве закона, неприменимо к советским условиям.

Таким образом, различие между Плехановым и Лениным в их отношении к государству и праву можно определить как различие между взглядом на закон как на инструмент классовой диктатуры (диктатуры в смысле социального доминирования) и взглядом, утверждающим, что диктатура класса может и должна быть *не ограничена законом*; между взглядом на государство как на аппарат подавления и взглядом, утверждающим, что необходимость установления пролетарской государственности оправдывает *полное исключение свободы* (поскольку, в конце концов, "пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, тогда не будет государства")¹. Плеханов не смог преодолеть русского традиционного правового нигилизма, но по крайней мере двигался в этом направлении; Ленин же далекошел в противоположном направлении, вернувшись к революционной традиции русского правового нигилизма в его анархистской и якобинской (ткачевской) форме². Понятно, почему Плеханов считал победу ленинизма победой Бакунина и Нечаева, победой азиатской России над западной³. Можно употребить другие слова, но следует согласиться с тем, что эта победа была страшным ударом по правовой культуре в России.

Конечно, этот вывод имеет смысл, только если предположить, что правовая культура действительно существовала в дореволюционной России. Правда, многие авторы, как, например, Самуэли, пытались доказать, что это не так, что правовая культура в западном смысле слова всегда была чужда русским. Однако стоит отметить, что после реформы 1864 г. правовая культура в России, несмотря на многочисленные препятствия, развивалась по восходящей и что, по крайней мере в некоторых отношениях, ее успехи были действительно впечатляющими. Гольденвейзер писал об этом:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 169.

² См.: Weeks, Alfred L. Peter Tkachev: the Forerunner of Lenin // Lenin and Leninism: State, Law and Society / B. W. Eissenstat (ed.). Lexington, Mass., 1971.

³ См.: Плеханов. Год на родине. Т. 2. С. 267. Плеханов называл крестьянские восстания, подготовившие победу большевизма, "варварской реакцией против реформ Петра Великого" (Там же. С. 209).

“Первые [новые] суды были открыты в Петербурге в 1866 г., а в декабре 1917 г. народный комиссар юстиции подписал декрет о закрытии всех судебных учреждений и отмене адвокатуры. Как много было сделано за это короткое время! Свод решений гражданского апелляционного суда Сената может с успехом выдержать сравнение со сводами решений верховных судов Франции, Германии, Британии или Америки. И наша адвокатура, в лице ее лучших представителей, была, конечно же, не хуже, если не лучше, чем адвокатура в любой из западных стран”¹.

Аналогичную оценку можно найти в мемуарах Вацлава Ледницкого, сына Александра Ледницкого, знаменитого русского адвоката (польского происхождения) и выдающегося деятеля партии кадетов. В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века Россия была “законопослушным государством – несмотря на частные прегрешения его бюрократии, злоупотребления властью тем или иным царским правительством и проступки некоторых низших или высоких чинов. Его суды демонстрировали высокие стандарты честности и справедливости и были независимы.

В то время как критика русской самодержавной системы как таковой вполне обоснована, послушание закону все же действительно существовало не только в теории; оно стало реальным и продуктивным фактором в русской жизни”².

Вероятно, эта картина несколько идеализирована, но нельзя отрицать, что в России были заложены основания правовой культуры, хотя и не стольочноочно защищены. Даже в последние десятилетия своего существования Российская империя была далеко не правовым государством. Тем не менее она развивалась в этом направлении.

Я неставил своей целью представить и исследовать этот исторический процесс. Эта книга посвящена истории мысли и поэтому рассматривает только теоретические достижения. Но поскольку интеллектуальная история является частью общей истории, будет справедливо утверждать, что знание достижений России в философии права может дать дополнительные аргументы в споре о том, существовала или нет правовая культура в России.

Как я пытался показать, ведущая интеллектуальная традиция России девятнадцатого века отразила глубокие сомнения по по-

¹ Гольденвейзер А. А. В защиту права. С. 211–212.

² Lednicki W. Pamiętniki. L., 1963. Vol 1. P. 309.

воду западного “духа закона”, сомнения, которые часто ожесточались до негодования и сознательного противодействия. Многие российские мыслители, включая и Ленина, не могли представить свободы в рамках закона; они определяли свободу по-анархистски и часто попадались на дилемме Ленина: либо свобода, либо государство. Бакунин выбирал свободу, Ленин – государство, но в обоих случаях альтернативы были одни и те же: либо анархизм, либо авторитаризм; либеральные же решения проблемы отбрасывались как замаскированное рабство. Объяснить это можно без обращения к идее извечной “русской души”, но все же в общем верно и то, что развитие русской правовой мысли отставало от развития русских судебных учреждений и препятствовало их воспитательному влиянию на русское общество. В целом роль идей – даже самых радикальных – была до удивления консервативной в этом отношении.

Тем не менее это только часть правды. История русской мысли доказывает, что такое положение дел также менялось в лучшую сторону. Шесть мыслителей, представленных ниже, свидетельствуют, что господствующей русской традиции недоверия к праву противостоял все более укрепляющийся образ мышления, возвышающий закон и акцентирующий необходимость превратить Россию в правовое государство. Сила этого движения может быть оценена не числом его приверженцев, а скорее уровнем его теоретических достижений. Как мы увидим, этот уровень был высок – может быть, слишком высок для того, чтобы быть понятным и распространенным среди широкой публики, включая и тех, кто называл себя либералами. Другими словами, это движение было ограничено рамками достаточно узкой интеллектуальной элиты, но само его существование было исторически важно. Высокий уровень его теоретических достижений был бы невозможен без значительного прогресса в общем уровне правовой культуры Российской империи.